

С.Ю.Федюнин, студент 2 курса факультета прикладной политологии НИУ
Высшей школы экономики. тел. 8-929-623-51-87; e-mail:
sfedyunin@gmail.com

Fedyunin Sergey Y., second year student, faculty of politics, Higher School of
Economics

Ограничение власти как универсальный способ её усиления

Аннотация

В статье критически рассмотрены гипотезы, входящие в парадигму демократизации, которые фактически санкционируют повсеместное применение власти (её суперлегитимация) при укреплении системы сдержек власти в политическом пространстве и ограничении возможностей использования власти индивидами при постоянной демократизации социальных отношений. Автор приходит к выводу о многократном усилении стимулов к использованию власти, а значит, и оправдания её природы в качестве базовой ценности социального порядка, несмотря на её дифференциацию и ограничение. Автор замечает, что усиление власти происходит путём вовлечения всё большего числа групп в политику, что поднимает на вершину славы престиж власти в глазах людей, ежедневно организующих уклад социальной реальности.

Ключевые слова

Власть, ограничение, легитимация, контроль, потестарная система.

Abstracts

In the article the author criticizes the hypotheses entering into a paradigm of democratization which actually authorize universal application of the power (its superlegitimation). That's supporting by the strengthening of control system of the power in political space and by restriction of possibilities to use the power by individuals at a constant social democratization. The author comes to a conclusion about a high strengthening of stimulus to power use, so and justifications of its nature as a base value of the social order, despite its differentiation and restriction. The author notices that power strengthening occurs by involving of the increasing number of groups in politics, that's why prestige of the power constantly growing in the public opinion which daily organizes social ways.

Key words

Power, restriction, legitimation, control, potestas (power) system.

Политическая мысль, развиваясь при высокой интеллектуальной зависимости от распределения власти в конкретном обществе и изменений области политического в

мире, зачастую по форме оказывается прокрустовыми рамками для конкурирующих проектов перераспределения власти и преобразования условий, лежащих в основе существующих властных отношений. Содержание политических проектов, независимо от того, какой из них возьмёт верх и утвердится в качестве плана политического действия, напротив, тяготеет к конституированию властной иерархии в соответствии с предлагаемым идеалом преобразований. Проблема власти и её границ, таким образом, оказывается решающей не только и не столько на этапе теоретического осмысления необходимости перераспределения власти и модернизации (подтягивания к современности, которое в реальном и практическом выражении только и доступно политической мысли) властных отношений, сколько на этапе реализации легитимного проекта выстраивания новой конфигурации властных отношений и новой системы участия в осуществлении власти [см.: Кожев, 2007, с.77–93].

Неприятие существующей политической системы с её властным распределением с необходимостью призывает к установлению новой системы с учётом соответствующих ожиданий и требований социальных слоёв, инициировавших это изменение, а также непродуктивных слоёв, настроения которых корректируется с целью обеспечения легитимности нового порядка. Конструирование новой власти происходит уже тогда, когда отвергается власть существующая, теряющая способности действующей власти в силу саботирования её проявлений со стороны конкурентного властного проекта. Власть, определяя состояние политической системы, получает дополнительную возможность вмешательства через разнообразные институты социальной жизни, подконтрольные (формально или неформально) политическим лидерам, бюрократии и технической интеллигенции, имеющей жёсткое соотношение с политическим миром. Потому невозможно указать в нашем контексте на власть исключительно политическую (в привычном значении этого понятия), в то время как власть приобретает по средствам политических инструментов поле существования и действия, расширенное до предельного значения, то есть до рамок, в которые заключены все социальные явления. Власть политическая, находящаяся в руках непосредственных исполнителей, то есть тех, кто её осуществляет, перетекает во власть социальную, используя техники (средства и способы организации коммуникаций в отношении власти и направлений её действия) и практики (знания по регулированию, включая манипулирование, этих коммуникаций), доступные

политикам, бюрократии и технической интеллигенции. При этом власть в широком смысле проявляется, как минимум, в двух ипостасях: в значении постмодернистском, которое провозглашает растекание власти по социальному пространству¹ [Бурдьё, 1993, с.56], вхождение во всякую область социальных отношений и её постоянное использование (что подразумевает наличие политических практик); и в значении обеспечения суперлегитимации не только действующей власти, но и всех возможных способов организации властных отношений (от диктаторских до демократических) в потенциально обозначенной перспективе (чему способствуют техники власти). Такую власть в широком смысле и с этими двумя значениями мы будем называть *потестарной системой*.

Теперь проследим, что происходит при ограничении власти политической как изолированной категории, и как потестарная система обеспечивает собственную живучесть при сменяемости, порой, очень высокой, конкретных властных проектов, объединённых, однако, общей традицией, или, «тропой зависимости» (которая, прерываясь, только усиливает эффект силы и аффективной необходимости потестарной системы).

Ясно, что политическая власть, выстраиваемая по разного рода проектам властного перераспределения (которые склонны, развивая друг друга и дополняя с учётом новых вскрывшихся обстоятельств политического мира, к изменениям), приобретает не очень определённые и, тем более, не поддающиеся определению возможности собственного усиления путём своего вмешательства в существующие отношения экономического, культурного и технического свойства. Однако политическая власть остаётся в высокой степени зависимости от институций самих этих сфер, не позволяющих ей охватить пространство социального и раздавить его под собственной тяжестью и всемогуществом. Могущество в действительности оказывается жёстко лимитированным спайкой политической воли (иррациональности,

¹ Видение социального пространства, данное П. Бурдьё, позволяет продемонстрировать важность ролей, играемых практиками разного рода: «В той мере, в какой свойства, выбранные для построения пространства, являются активными его свойствами, можно описать это пространство как поле сил, точнее как совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным *взаимодействиям*». Курсив автора, по моему мнению, означает значительное препятствие практических форм взаимодействия социальных агентов желаемым ими теоретическим формам солидарности, благодаря чему социальное пространство приобретает собственные вес и давление, впервые рассмотренные Э. Дюркгеймом.

страсти) с профессионализмом в децизионистской модели М.Вебера или К.Шмитта; поддается тотальной рационализации в модели технократической или ограничивается всеобщей и свободной от господства дискуссией в практической модели коммуникативного действия Ю.Хабермаса. Политическая власть, в таком понимании, подвержена контролю и ограничению в результате рациональной необходимости преобразования условий социальной жизни. Политическая власть в подобных моделях предстаёт неким образованием, постоянно действующим (а потому ограничить его не составит труда при желании тех, кто мог бы это сделать) или рождающимся в результате слаженных усилий заинтересованных сторон и изначально не политических актёров. К последним можем отнести институты и социальные группы, вызывающие технизацию политического, слияние политической власти с экономико-техническим господством, критикуемое Г.Маркузе [Американская социологическая мысль, 1994, с.139–140], которое всё же можно преодолеть (по Маркузе, естественно, революционным путём).

В узком смысле, представленном социологической и философской традицией индустриального общества, ограничение власти (понимаемой как власть политическая или потенциально-политическая²) происходит по пути постепенного усиления контроля над ней с той или иной конечной суммой, трактуемой в долгосрочной перспективе при достижении основных запланированных результатов как положительная. Такое прогрессивистское понимание ограничения власти и возможности её ослабления постановкой под контроль многочисленных факторов и социальных актёров появилось и имеет высокую объяснительную способность в рамках системы координат исторической демократизации: слом сильной политической власти, не связанной законными обязательствами, затем разделение её и ограничение законом, который становится ограничителем и властителем над политической властью (что, впрочем, может быть утрачено в результате конституционного и, в целом, правового разрыва [см.: Медушевский, 2005б; Медушевский, 2005а, с.47–61]), и

² К потенциально-политическому пониманию можно отнести отношение М.Вебера к капитализму, который своим идеальным типом тотальной рационализации охватывает и пространство политического (государственного) действия; или понимание власти как функции от оказания насилия, артикуляции интересов социальных групп или особого свойства неполитических интересов. *Таким образом, политическая власть оказывается в жёсткой зависимости от неполитических процессов и действий, власть перемещается и к тем явлениям, которые способны контролировать власть политическую и подменять её собой, собственными характеристиками или элементами.*

введение институтов представительного правления при гарантии индивидуальных прав. Подобного рода схема, описываемая тенденциями либерализации и, с определённого момента, демократизации, вписывается в понимание общей концепции развития, запущенной, не иначе, как «духом времени» европейской (а затем и атлантической в целом) цивилизации. Подобная теоретическая концепция ограничения подразумевает ослабление политической власти, точнее, тех институтов и полномочий, которыми обладают политические игроки и персонал тех или иных организаций, с ними сотрудничающий. И подобная обобщённая теория (вместе с небольшими теориями в рамках крупной парадигмы демократизации) оправдывала себя, если бы не противоречила практическим процессам, аккумулировать которые на определённом абстрагированном уровне (с заранее заданной целью) и должна хорошая теория, обеспечивающая прирост рационального знания и содержащая в «предохранительном поясе» довольно компактное количество взаимосвязанных гипотез *ad hoc* [Лакатос, 2008, с.359–440]. Однако обобщённая теория ограничения политической власти рассыпается из-за размытости и туманности тех самых гипотез, к которым возможно отнести следующие.

(1) Не подтверждённое практикой предположение о том, что взятие власти под формально-юридический и общественно-политический (по средствам регулярных выборов, референдумов, давления групп интересов; буфера гражданского общества, оберегающего от прямого насилия и репрессий со стороны государства в отношении отдельных граждан и групп; с помощью относительно независимых от центров государственного принуждения масс-медиа) контроль оборачивается её ослаблением в целом и ограничением маневренности властных полномочий в частности.

Напротив, мы можем наблюдать в отдельных случаях ограничения политической власти, всё же плохо сводимых к теоретическим конструктам (которые обеспечиваются процессами, обозначенными ниже), *эффект «тактики огораживания»*. Такая тактика целерационального свойства, выступающая демонстративным приручением власти (это имеет аналогию с политикой огораживания в Англии XVI века) определённым нуждам и интересам относительно не политических игроков, оживляет целую стратегию, которую незамедлительно в своих интересах принимает политическая власть: ограничение гражданское и правовое (по экономическим, техническим или гуманноценностным соображениям) оборачивается

усилением непосредственно политическим, ибо те процессы, которые были инициированы техническим развитием, социальными интересами тех или иных влиятельных групп (то есть действия политической власти ограничивались инициативой и сплочением коллективных интересов), ставятся под контроль политической власти, получающей очерченные (но никогда не до конца) правом инструменты по проведению отдельной тактики огораживания, как и аналогичных тактик в будущем, зарекомендовав себя умелым исполнителем и обеспечив себе крепкий фундамент *универсального* проводника социальных решений. Исполнительная способность, подкреплённая выработкой законодательной базы (а значит и локально легитимной при сохранении существующей политической системы) и практикой судебного (не-)вмешательства [см.: Quigley, 2010], приобретает многократное усиление как безальтернативная и универсальная сила, расположения которой необходимо добиваться, в результате чего уже политическая власть диктует свои условия тем, кто жаждет её использовать или обладать ею.

Конституционное развитие предполагает не только развитие по пути рационализации права и усиления его роли в конкретных социальных отношениях, но и проявляет чёткую необходимость формально единого ведения всей политики, распространения институционализированного конституцией действия на всё большее количество сфер социальной жизни. Формальное единство позволяет вмешаться власти в те области, которые кажутся политическому господству необходимыми для обеспечения контроля над ситуациями в стране, создающими единую картину социальной жизни. Реальный конституционализм предоставляет инструменты воздействия на людей экономическим и информационным агентам, сводя к минимуму непосредственное вмешательство централизованной исполнительной власти в жизнь и права граждан, в то время как конституционализм номинальный или мнимый предоставляет огромные полномочия низовым структурам, которые способны «отрываться» от центра в непосредственном воздействии на свою аудиторию, рассматриваемую в категории «подвластных». Ограничение власти, например, народным суверенитетом в СССР, или формальным правовым государством (гарант конституции – глава государства, кроющийся её по воле народа через референдумы) в нацистской Германии приводили к гипертрофированию властных полномочий

отдельных (особо, силовых) органов, несмотря на правовые ограничения, которые продолжали номинально существовать.

(2) Усмотрение в ограничительных конструкциях и правовых барьерах спасительных от левиафана политической власти факторов не может представить доказательства того, что властная энергия от детального описания функций и полномочий властных институтов и актёров не вырастет от такого описания. Напротив, при настойчивом ограничении компетенций власть приобретает дополнительные легитимные (выделение государств из целого государства как политического союза у М.Вебера³ [Вебер, 1990, с.644–706; об эмоциональном прикрытии и формировании эмоционального фона в обществе см.: Урнов, 2008, с.24–91]) основания к тому, чтобы регулировать и нести предельную ответственность (дарованную сувереном, высшей легитимирующей силой, которая незаметно теряет контроль над объектом легитимации и над своим оправданием) за всё то, что происходит в конкретной области социальных отношений. Легитимирующая способность суверена утрачивается постепенно и сводится на нет в тот самый момент, когда структуры получают заряд легитимности в силу своего *существования*, а не функционирования, от контроля которого со стороны общества и права не зависит существование, легко адаптирующееся к функциональным ограничениям *усилением собственной ответственности* за дробные проблемные вопросы. Порождение малых левиафанов диктует общее регулирование, выраженное в усилении исполнительной власти, её ответственных функциональных направлений и скрытого авторитета в обществе при «подминании» под себя всеми способами – институциональными (конституционные преобразования в современном мире, лоббирование и направление общественного давления через масс-медиа и постоянные эксперименты с выборами и «электронным правительством») и неинституциональными (договорённости и устройство коммуникационных ловушек для «противостоящих

³Веберовская рационализация приобретает оттенок выделения огороженных и относительно независимых политических союзов внутри общего союза – государства, которые, ограничивая друг друга компетенциями, компенсируют собственную необходимость демонстрацией своей силы – легитимное (в силу легальности и отсутствия сопротивления) насилие через сужение пространства выбора до отсутствия альтернатив в пределе (своеобразная *soft power*) – и созданием рационализированных областей в жизни граждан и групп, в которых они не обойдутся без взаимодействия с той или иной властной структурой. Плебисцитарность (за которую выступает сам Вебер) при таком развитии событий рационализируется и становится эмоциональным фоном для постепенного усиливающихся властных институций и растущей легитимации всякого рода властных отношений, вселяющим уверенность в завтрашний день и «нормальность» разворачивающихся процессов, за которыми уследить в их преломлениях очень не просто.

необходимым изменениям и действиям») – законодательных и высших судебных инстанций.

(3) Связь технического обеспечения власти и принимаемых ею решений кажется уместным объектом действия, подвергающимся разрушению путём установления ограничивающего это взаимодействие контроля со стороны, скажем, политических дискуссий и необходимости «систем перевода» между политиками, бюрократией и разработчиками новых технических и медийных техник и практик, или наличием ответственности учёных за практические последствия их действий⁴ [Хабермас, 2007, с.158–164]. Такое предположение возможно считать попыткой «технической блокады» власти. Современный мир, не прибегая к жёсткому разграничению науки и политики, дезавуирует пространство контроля, лишая его самого множества контролей всех и каждого, отдельных социальных групп и органов невластного надзора. Сам *контроль за осуществлением контроля* запускает эрозию практического исполнения ограничения, передачу функций от системы «господство-подчинение» в систему «добровольные акты индивидов на основе интеракций». Более того, «онаученная политика» Хабермаса дополняется комплементарной областью «политизированной науки»⁵, когда при помощи политического воздействия, в том числе, финансового регулирования, исследования отдельных сторон общественной и политической жизни замораживаются (гуманитарное знание непосредственного практического применения), или, напротив, явления научного мира становятся темой и инструментом политического действия и принятия ответственности политическими институтами и игроками за научно-техническое развитие. Простое обсуждение достижений науки в рамках дискуссии невозможно и способно вести, в лучшем случае, к краткосрочным

⁴ Однако такое рассуждение выпадает из современного состояния властных отношений не только на Западе, но и во всём мире, ухватывающем тенденцию демократизации, влекущую усиление власти при формальном, ценностном (универсальным для мировых стандартов) обеспечении её ограничения как отдельными социальными интересами, так и мифическими понятиями (требованиями постструктуралистских легитимаций, формами которых выступают политические мифы). О мифах, подменивших коммуникацию и ответственность техников при выработке некоторых «систем перевода» через обученных бюрократов [см.: Фишман, 2006; Бурдьё, 2007, с.87–96].

⁵ В этом отношении существуют довольно интересные исследования, демонстрирующие разрушение «академического» «порядка знания», который всё более засекречивается и бюрократизируется. Соответственно и роль учёного сводится к функции «менеджера», «советника», разработчика программ, прямо или косвенно извлекаемые в область политического. Таким образом, воспроизводится научная поддержка техник и практик властных отношений в интересах господствующих структур. [см.: Spinner, 1994]

адекватным ответам социума на вызовы, бросаемые наукой и техникой человеку (человек же ответить и в этом случае не может, демократические требования исключают человека из области обсуждения) и человечеству. Осуществление призывов к экологическим программам по спасению планеты будет лежать на плечах политической власти, легитимированной новыми предоставляемыми ей функциями, от которых сама легитимность оказывается опосредованно автономной. Равно как и выбирать между экологизмом и созданием ноосферы с технократическим управлением будет политическая власть и её ограниченные и постоянно ограничиваемые субъекты, являясь *универсальным инструментом*, диктующим свои правила формирования тех или иных желаемых позиций и интересов.

Политизированность науки как позитивного знания не только означает давнюю практику использования знания как власти⁶ [Foucault, 1977; Сокулер, 2001, с.58–82], но и создание неотвратимости концепции *перманентного усиления власти* на всех уровнях социальных отношений, создавая множество структур заранее политизированного характера. Это усиление не столько зависит от государства как единого центра власти (хотя государство объединяет все тенденции и проявляет себя как универсализирующийся центр власти [Тилли, 2007, с.29–41, 242]), сколько от подмножеств образуемых малых политических союзов, конституирующих свою власть на основе *углубления собственной ответственности* за определённый класс социальных отношений и порождения тем самым своей незаменимости в данном деле, что создаёт *поле тотальности в выдаче предписаний и ограничении пространства выбора*. Так, хорошо заметны эти поля в различных социальных средах одного и того же общества, а тенденции их централизации сходятся в пространстве государства.

Ограничение, как видим, влечёт за собой усиление ограничиваемых институтов и полномочий игроков не только в результате перераспределения власти между увеличивающимся числом структур со специфической областью тотальной ответственности (которые формируют ритуализированные практики), но и за счёт постоянного воспроизводства власти как инструмента должного и безотказного

⁶ Явные социалистические убеждения заставляют Фуко считать, что власть контролирует определённые институты исходя из интересов одного класса как демонстрация господства и потенциальной силы режима. Отличия нашего понимания власти в более глубоком взгляде на неё как на целостное явление и в указании на самовоспроизводящую природу власти, непосредственно не зависимой от децизионизма и конкретных интересов [см.: Уолцер, 1999, с.279–302].

воздействия (при перекрывании противодействующего напряжения власти другого актёра) на окружающих и мир в целом, при этом власть как инструмент (техника) кристаллизуется в процессе интеграции с себе подобными в единый центр власти (государство как политический союз техник и практик, управляемых политиками, бюрократией и технической интеллигенцией), обеспечивая общее усиление последнего. Политическую власть, очевидно, взяла под свою опеку потестарная система, распространившая политику как бесконечную область торга и спора⁷ на всякого рода социальное взаимодействие⁸ и как вторгающуюся в пространство личного и духовного ценностную сеть, спутывающую последнее собственными категориями и заранее определёнными средствами достижения заранее определённых целей, мифологизированных до состояния навязанных личных ценностей.

Рассмотрев наиболее примечательные гипотезы ad hoc в теории ограничения политической власти с целью её ослабления (более детальное рассмотрение множества элементов «предохранительного пояса» здесь не требуется), мы пришли к наблюдению их несостоятельности в современных условиях. Согласиться с этим – значит отвергнуть принятую демократическим опытом развития парадигму о необходимости ограничения политической власти с целью её ослабления в функциональном и конституирующем социальную реальность смысле.

Требуют того реалии современного мира и все возможные варианты других социальных устройств, которые могли бы опровергнуть необходимость властного перераспределения с постоянными локальными и глобальными победами исключительно власти. Общее усиление исполнительной власти, находящее отголоски и нереализованный потенциал в конституционном праве и специфических правовых областях права как общих правил социального существования⁹ [Медушевский, 1993],

⁷ Что явным образом подсказывает нам ницшеанское отношение к полноценной и желаемой жизни, означающей непрерывный спор о вкусах и победу одних мнений над другими.

⁸ Вновь обратите внимание на ссылку №1.

⁹ Можно выделить большое количество тенденций такого рода усиления при формальном ограничении принципом разделения властей и системой сдержек и противовесов: «спящие» полномочия президента (премьер-министра), «указное право» (в обход законодательной ветви власти), политика судов (сотрудничающих с обеспечивающей общую линию государственной политики исполнительной властью) и судебная политика, осуществляемая теми политическими игроками, которые обладают неинституциональным давлением на судебную власть и моральные (осуждающие) институты (воспроизводимые ради поддержания господства), что не только усиливает негодование и метафизическую спорность права на осуждение и кару для индивида и его личности со стороны

продиктовано этими реалиями, требующими многократного усиления всякого рода властных структур по средствам их *дискретного количественного разрастания и введения ответственных зон*, на которых конкретное проявление власти приобретает характер *незаменимого инструмента давления, легитимно* (в силу незаменимости) *сламывающего сопротивление и означающего добровольное рабство членов общества*, в каждой конкретной области отказывающихся от свободного выбора, от свободного распоряжения собственной свободой в пользу властно перераспределяющегося псевдоуниверсального мейнстрима преклонения перед *незыблемостью и необходимостью*. Действительному (реальному и практическому) воплощению этого властного усиления при постоянном ограничении и постановке под контроль тех же самых ограничителей (контроль осуществляется часто с одобрения общественности теми же людьми, что активно призывают к подчинению власти как «порядку» в конкретных контекстах) способствует вовлечение всё большего числа людей вместе с их коллективными идентичностями [Simon, 2004, p.454–455] в отношения власти, что само по себе и при увеличивающем эффекте малых событий в результате формирования «повестки дня» со стороны масс-медиа [Giles, 2003] означает предельное насыщение политики требованиями самого разного и противоречивого рода. *Демократическое¹⁰ ограничение политической власти интересами и требованиями/идеалами/социальными действиями самых разных групп подпадает под каток усиления потестарной системы через сформированные властные практики и устойчивые, со временем обновляемые техники политической коммуникации*. Всякая группа, приобретая определённую роль в значимом политическом пространстве, оставаясь или заимствуя неповторимые связи и общее расположение в социальном пространстве, воспроизводит свои политические (связанные с иными, но артикулированные в категориях политического преобразования) интересы через

общества (вплоть до изоляции и лишения жизни), но обостряет вопрос судебных ошибок и безапелляционности некоторой категории правовых вопросов (особенно, политического характера). *Более того, вызовы современного мира, активно дебатруемые и приносящие исполнительной власти неоспоримые локальные и глобальные победы, такие как терроризм, столкновения стран и «цивилизаций», экологические изменения и требования тотальной социальной эмансипации, обязывают власть мобилизовать всех тех, кто ей активно пользуется. Неважно, на что будет направлена мобилизация, она получит легитимное одобрение, если даже за риторикой и действием по «обеспечению безопасности и порядка» будет скрываться вечная зависимость людей от власти как от инструмента обеспечения собственных интересов и претворения потребностей в жизнь.*

¹⁰ Демократизация требует «участия большого числа людей» [Тилли, 2007, с.195] во взаимоотношениях доверия; это выполняется по средствам наличия «буферизации между публичной политикой и категориальным неравенством» [Там же, с.160].

собственный проект перераспределения власти. Столкновение множества проектов и реальных (часто, плохо согласованных и стыкующихся с самим конкретным проектом) действий (в результате обширной политической эмансипации, действующей по принципу домино) заставляет максимально использовать имеющийся в наличии властный ресурс (начиная от медиа-агитации и заканчивая распространением слухов) в самых разных областях социальной жизни (пространство символического от графического изображения до литературных и философских текстов) и искать дополнительного расширения собственного властного ресурса всеми доступными способами, не противоречащими целям группы (реальной или виртуальной). *Власть в практическом воплощении во имя исходной цели её ограничения приобретает характер единственного действенного инструмента*, который, легитимируясь даже группами анархистов (в виде коллективного давления, протестов и массовой агитации), ввиду своей незаменимости *резко возвышает авторитет власти как таковой*; власти, исходящей снизу и стремящейся в подавлении других властных ресурсов (которые присоединяются после их нейтрализации к победившей стороне) к тому, чтобы окончательно замкнуться в государстве. При такой незаменимости и ясности общего тренда политического действия неудивительно, что власть и властный ресурс теряют свою характеристику средства, но приобретают вид цели-в-себе, возвышая её «сплывающий» и «поддерживающий» социальную систему компоненты, что лично меня возмущает и печалит одновременно. Возможно, это и составляет суть демократизации, в результате которой подавляющая часть членов социума становятся рабами власти [Нозик, 2008, с.357–358] как всепроникающего феномена, который они сами же и разносят под предводительством «мудрых лидеров» (тех самых, которые займут когда-нибудь место политиков в государственной системе) по всем социальным отношениям. Каждый человек, дезорганизованный в мире политики, будет задавлен властью, множественностью властных ролей, не владея ни одной из них и подчиняясь всем, если не примкнёт к группе и добровольно не станет рабом власти.

Однако такое ограничение, делегирующее в действительности непреложную силу и авторитет власти в широком значении инструмента воздействия, концентрации воли (коллективной и индивидуально-уполномоченной, т.е. воли политической), в конечном итоге работает на демонстрацию иллюзорности демократии с либеральными свободами и на уничтожение мечтаний о честном, справедливом управлении (но не

общежитии), отдавая власти право властвовать над человеком в обществе. *Наличие крепкой и питательной потестарной власти (образующей систему из символических конструктов) – вот объяснение усиления ограничиваемой политической власти на общетеоретическом уровне.*

Практическими причинами и одновременно результатами усиления политической власти при демократизации, базирующегося на постоянном саморазвитии потестарной власти, служат общее усиление исполнительной власти, подтверждённое «спящими полномочиями» её главы, необходимое обращение к клиентелизму и его фактическая теоретическая реабилитация [Афанасьев, 1996] (практически же его никто не отменял) в условиях *втягивания во властные отношения всё большего числа людей и групп, которые взаимодействуют, распределяя роли «патрона» и «клиента» в соответствии с логикой перераспределения властных ресурсов, победы одних над другими, заключение уний с младшими и старшими партнёрами и т.д. Манипулирование эмоциональной атмосферой общества и выборами представляют собой неизбежный исход балансировки огромного числа политических игроков, легитимирующих своим участием потестарную систему (именно систему, символическую оболочку властных техник и практик) и её развитие.* Последствия этого могут наблюдать философы, политологи, социологи; с эти можно во многом связать охвативший «постсовременный» стиль мышления пессимизм, дезавуирующий индивидуальные усилия и личную волю в формировании социальной ткани, преобразовании институтов в условиях властного давления и зависимости власти от себя самой. Попытки (как показывают политико-философские нарративы постмодернистских мыслителей) уйти от потестарности разными путями (не только экономическим, т.е. либертарианским) увенчались результатом, прямо противоположным их надеждам и ожиданиям. Власть была обнаружена везде, где только можно, власть, транслируемая потестарной системой на жизнь людей через своих агентов. Путь Ницше по выходу человека в область божественного для достижения состояния сверхчеловека, не связанного социальностью (но развивающегося в рамках биологической природы), по которому попытались пойти постмодернисты, наткнулся на ожесточённое сопротивление этой социальности, пропитанной властью.

Оказывается, что преемственность между авторитаризмом и демократией гораздо сильнее, чем можно было предположить. Эта преемственность гарантируется применяемыми в обоих случаях способами ограничения политической власти. Патологические случаи ограничения политической власти расширением представительства и законных гарантий (разделения властей) с целью сиюминутного (но исторически, как мы знаем, непродолжительного) её укрепления оказались авторитарным прологом к диктату демократической политической власти. Усиление авторитарной власти при её ограничении оказывается непостоянным (в противовес мощи демократического властвования) в виде основных способов ограничения: (1) введение демократических институтов, что повышает легитимность (вводит двойную легитимность) при сохранении контроля над ними; (2) медленная и постепенная демократизация (кем контролируемая?) для предотвращения революций. Первую группу мер можно определить как бонапартизм (просвещённый в случае с де Голлем и грубый в случае с диктатурой Гитлера), вторая группа мер представляет собой идеал умной и хитрой монархии, которой, однако, очень даже скоро суждено стать конституционной. Рано или поздно, запущенный процесс ограничения политической власти приведёт к её тотальному распространению по демократическому сценарию, порождающей культ потестарной системы. *Авторитаризм падает жертвой своего усиления во имя ещё большего усиления власти в условиях демократической системы.* Здесь надо отметить, что последняя создаёт авторитарные структуры на высоком властном уровне, раскрепощая себя (что, однако, пользы не приносит) и порождая общемировые явления авторитарного антиконтроля (особенно, неформального, типа G8 или G20, а также в виде совещаний и обширной области «подковёрной» и «закулисной» политики во всяком обществе). Девизом глобализации, как явления общемировой демократизации, же можно, к примеру, назвать выражение «мир – большая деревня» (очень часто воспроизводимый), но не «большой город», в силу агрессивности общего посыла глобализации: «философия джунглей» [Хорни, 1997, с.102] господствует над рациональным объединением самых разных стран и регионов. Вместо закона цивилизации определяющим является наличие властных ресурсов, сосредоточенных в патриархальной природе традиций и других элементов культур, выражающихся в экономическом и политическом поведении игроков на мировой арене. Логика глобализации (экономической, а следом, политической и культурной) примерна такова: кто лучше и больше трудится (агрегируя все необходимые к тому

средства для временной мобилизации на достижение господства, после чего наступает период «успокоения» и «гедонизации»), тот самый богатый и влиятельный, а значит, властный. Так реконструируется всепоглощающая потестарная власть в международном взаимодействии.

В результате наших изысканий мы получили совсем не приятную картину демократизации, образующей порочный круг ограничения одной власти, вызывающей усиление другой, а затем усиление первой в ответ на реакцию второй. Происходит, таким образом, заметная концентрация властных ресурсов у изначально не политических игроков. *Демократизация* определила себя через ограничение политической власти так: *процесс перехода от тотальности власти из центра (абсолютизм) к тотальности властей на местах, соединяющихся затем и укрепляющих локальными легитимациями властный центр* (т.к. отношение к тем властям, что «снизу», всегда хуже, чем к тем властям, что «сверху», которые «хотя бы что-то делают и людям не мешают»). *Так демократизация (которая, по нашей мысли, не прекращается ни в одном современном обществе) производит усиление ограничиваемой политической власти по средствам символизированной потестарной власти (что составляет пространство потестарной системы) в рамках модели геометрической прогрессии: с растущей скоростью новых интеракций ограничения и наделяния властных структур (более дробных и узконаправленных) полной ответственностью и универсальностью воздействия в очерченной области (границы которой правом в полной мере не регулируются).*

Единственное, что мы можем противопоставить такому усилению власти, так это принцип *гуманистической ангажированности*: критика властных отношений извне, противопоставляющая априорному принципу участия и делегирования ответственности принцип личности, свободного определения применения собственной свободы, т.е. нахождения концентрированного выражения жизни в смысловом творческом поиске. Ангажированность обозначает не включённость в потестарную систему (которая достигается уже в тот момент, когда начинается определение жизни всех во имя чего-либо единого и объединяющего), а противопоставление себя ей как личностной силы, жизненной силы поиска наилучших способов справедливого общественного устройства, самостоятельного преобразования социальной реальности вне наращивания (коллективного и индивидуального) властных ресурсов. По сути, это

отказ от «философии джунглей» в пользу философии личного просвещения (что само по себе исключает осознанное насилие). Коммуникация среди общественности невозможна вне усиления власти, но только коммуникация публики [Хабермас, 2007, с.75–78] избавляется от властного гнёта. Именно воспитание публики, сообщества полноценных личностей, дополняющих друг друга, обеспечивает свободное от потестарности взаимодействие, не подверженное техникам и практикам масс-медиа, но питающих доступное знание из средств массовой информации. Ограниченная власть просветляется не во власти для всех (это новая диктатура или формирование интеракций, ведущих к политике тотальных компромиссов, незначительности принимаемых решений при избегании диктатуры коллектива), а в умеренности средств каждого, в умении разорвать порочный круг усиления власти, выйдя из его области воздействия. Только так возможно вернуть политике её истинное предназначение: политика есть средство к преобразению социального мира, а не цель-в-себе и не ценность как таковая.

Список литературы:

- 1) Американская социологическая мысль/Под ред. В.И.Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
- 2) Афанасьев М.Н. Клиентелизм: Историко-социологический очерк // Полис. – 1996. – № 6. – С.97–108.
- 3) Бурдьё П. Социология политики/Пер. с фр.; общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993.
- 4) Бурдьё П. Социология социального пространства. – М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2007.
- 5) Вебер М. Избранные произведения/Пер. с нем.; под общ. ред. Ю.Н.Давыдова. – М.: Прогресс, 1990.
- 6) Кожев А. В. Понятие власти/Пер. с фр. А. М. Руткевича. – М.: Праксис, 2007.

- 7) Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки/Пер. с англ. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008.
- 8) Медушевский А.Н. Демократия и тирания в новое и новейшее время//Вопросы философии. – 1993. – № 10. – С. 3–23.
- 9) Медушевский А.Н. Договорная модель перехода к демократии//Вестник Европы. – 2005. – №16. – С. 47–61.
- 10) Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
- 11) Нозик Р. Анархия, государство и утопия/Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2008.
- 12) Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001.
- 13) Тилли Ч. Демократия/Пер. с англ. – М.: Ин-т общественного проектирования, 2007.
- 14) Уолцер М. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века/Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
- 15) Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении. – М.: Аспект Пресс, 2008.
- 16) Фишман Л.Г. Политический миф и идеология: «опасное сближение»? // Полис. – 2006. – №4. – С.74–86.
- 17) Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология»/Пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Праксис, 2007.
- 18) Хорни К. Собрание сочинений. В 3 т. Т.3. Наши внутренние конфликты; Невроз и развитие личности/Пер. с англ. – М.: Смысл, 1997.
- 19) Foucault M. Vérité et pouvoir // L'Arc. 1977. № 70. P.19-37.
- 20) Giles D. (2003) Media Psychology. Mahwah (N/J); L.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2003.

- 21) Quigley F. Torture, Impunity, and the Need for Independent Prosecutorial Oversight of the Executive Branch // *Cornell Journal of Law and Public Policy*. 2010. Vol.20. pp.270–311.
- 22) Simon B., Klandermans B. (2004) *Politicized Collective Identity: A Social Psychological Analysis* // *Political Psychology. Key Readings* / J.T. Jost, J. Sidanius (eds.) N. Y. and Hove: Psychology Press, 2004.
- 23) Spinner H. *Die Wissensordnung. Ein Leitkonzept für die dritte Grundordnung des Informationszeitalters*. Opladen: Leske, 1994.